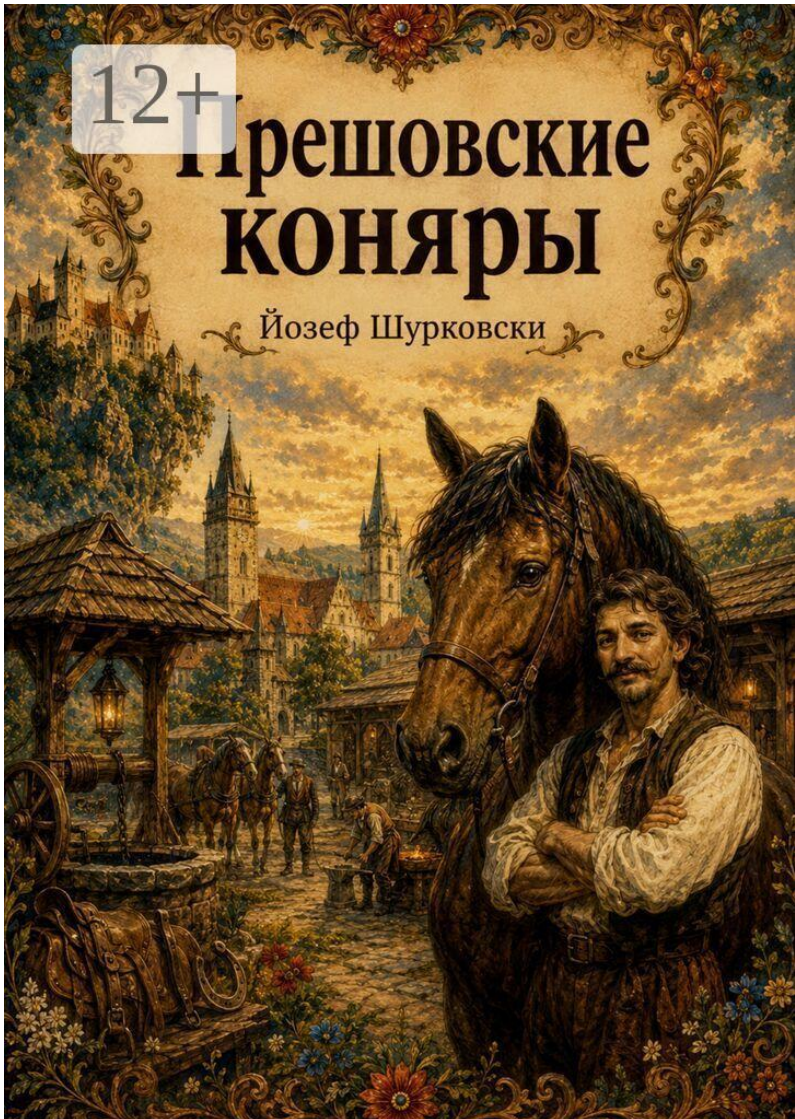

12+

Гирешовские КОНЯРЫ

Йозеф Шурковски

Йозеф Шурковски

Прешовские коняры

<https://litres.ru/74428743>

ISBN 9785007115452

Аннотация

Почему жителей Прешова называют конярами? Эта книга переносит читателя в мир старого Прешова, где стук копыт звучал на Сабиновской улице, а судьбы людей переплетались с судьбами лошадей. Реальная история, старые предания, тайны, юмор, любовь и немного необъяснимого оживают в рассказах, которые могли произойти на самом деле. Это книга о лошадях, людях и памяти города, пережившей время.

Содержание

О первом жеребце на Сабиновской улице	5
О конюхе, который узнавал лошадей по шагам	18
О подкове из-под Сабиновской улицы	34
О жеребце, который не хотел, чтобы его продали	51
О ночном ржании с Большого двора	71
О мальчике, который носил воду лошадям	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Прешовские коняры

Йозеф Шурковски

© Йозеф Шурковски, 2026

ISBN 978-5-0071-1545-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О первом жеребце на Сабиновской улице

В 1859 году Прешов выглядел иначе, чем сегодня.

Хотя город уже давно разросся за пределы своих старых крепостных стен и жизнь постепенно перемещалась туда, где когда-то стояли лишь пригородные дома, сады и военные объекты, он всё ещё был достаточно мал, чтобы весть о каждом необычном событии разнеслась из одного конца города в другой раньше, чем пройдёт полдень.

А в том году в Прешове говорили прежде всего о лошадях.

На месте старых военных жилых построек возводился новый конный завод.

Это была не обычная конюшня, каких в окрестностях хватало. Это должен был быть большой, хорошо управляемый двор, которому отводилась важная роль. В северных землях Венгерского королевства необходимо было улучшить разведение лошадей, чтобы они были сильнее, здоровее и подходили не только для хозяйства, повозок и дорог, но при необходимости и для военной службы.

И потому на Сабиновской улице строили, возили, измеряли и перестраивали.

С самого утра слышались удары молотков, скрип повозок и крики рабочих. Во двор привозили дерево, железо, сено, солому и всё, что должно было понадобиться лошадям и людям, которые будут за ними ухаживать.

Прешовцы проходили мимо и с любопытством оглядывались.

Одни говорили, что городу нужен такой большой конный завод.

Другие смеялись, что скоро на Сабиновской будет больше лошадей, чем людей.

А третьи лишь качали головами, удивляясь, сколько денег и труда может стоить то, с чем деревенский хозяин справляется с одной конюшней за домом.

Среди людей, которые в том году пришли работать с ло-

шадьями, был и старый конюх по имени Михал Баран.

Никто точно не знал, сколько ему лет. Когда кто-нибудь спрашивал его об этом, он отвечал, что меньше, чем церкви, и больше, чем тому, кто спрашивает.

Он был невысоким, немного сторбленным, с огрубевшими от работы руками и усами, которые уже давно утратили свой первоначальный цвет. Лошадей он знал с детства. По шерсти умел определить, хорошо ли кормят животное, по глазам замечал усталость, а по тому, как лошадь ставила ногу на землю, часто узнавал о больном копыте раньше, чем это замечал её хозяин.

Но больше всего он доверял ушам лошади.

«Лошадь слышит раньше, чем человек успевает подумать», — говаривал он.

Молодые конюхи над ним за это смеялись.

Михал не обращал на них внимания.

Он знал, что тот, кто провёл рядом с лошадьми пять лет, думает, будто знает о них всё.

Тот, кто провёл с ними двадцать лет, уже не так в этом уверен.

А тот, кто состарился рядом с ними, знает, что о лошади никогда невозможно знать всё.

Одним холодным осенним утром пришла весть, что должны привести ещё нескольких жеребцов.

Михал стоял у входа во двор, когда на Сабиновской улице появились лошади.

Люди останавливались.

Дети подбегали ближе, а женщины отгоняли их от дороги. Рабочие на мгновение перестали работать.

Среди приведённых лошадей был один жеребец, отличавшийся от остальных.

Он был высоким, тёмно-гнедым, почти чёрным, и лишь на лбу у него было небольшое белое пятно. Шёл он спокойно. Не натягивал повод, не пугался ни повозок, ни ударов молотка.

Михал заметил его сразу.

Не из-за его роста.

Из-за глаз.

Конь не озирался испуганно, как животное, оказавшееся в незнакомом месте. Он смотрел внимательно, словно всё запоминал.

«Красивый экземпляр», — сказал молодой конюх Ондрей.

Михал не ответил.

Он подошёл к коню и положил ладонь ему на шею.

Жеребец даже не повернул головы.

«Как его зовут?»

«Ардó», — ответил мужчина, который его привёл.

Михал повторил имя.

«Ардó».

Конь повёл ухом.

«Значит, всё-таки знаешь, как тебя зовут».

Ондрей рассмеялся.

«А как же ему не знать?»

«Люди иногда и этого не знают», — ответил Михал.

Жеребцов одного за другим отводили в подготовленные конюшни.

Ардó шёл последним.

Он без проблем прошёл через вход, через первую часть двора и мимо остальных лошадей.

Но потом они подошли к одной из конюшен.

И там он остановился.

Ондрей потянул за недоуздок.

«Иди».

Конь не двинулся.

«Ну же, иди».

Ничего.

Ондрей потянул сильнее.

Ардó поднял голову.

Он не боялся.

Не пятился.

Просто стоял.

«Упрямый», — пробормотал Ондрей.

Михал подошёл ближе.

«Не тяни».

«Нам нужно завести его внутрь».

«Заведём».

«Так как?»

Михал не ответил.

Он посмотрел на двери конюшни.

Потом на коня.

Уши Ардó были направлены вперёд.

Он слушал.

Михал заглянул внутрь.

«Там кто-нибудь есть?»

«Никого».

«Собака?»

«Нет».

«Кошка?»

«А что бы она там делала?»

«То же, что и везде. Ловила мышей».

Ондрей вошёл внутрь.

Через некоторое время вышел.

«Там ничего нет».

Они снова попытались повести коня.

Ардó сделал два шага.

У порога остановился.

На этот раз резче.

Он упёрся передними ногами в землю и поднял голову так высоко, что недоуздок натянулся.

«Не хочет туда», — сказал один из рабочих.

«Это мы видим».

«Может, чувствует другого жеребца».

«Конюшня пустая».

«Тогда крысу».

«Из-за крысы он бы так не стоял».

Через некоторое время вокруг собралось несколько мужчин.

У каждого было своё объяснение.

Один утверждал, что конь чувствует запах свежего дерева.

Другой — что ему мешает запах раствора.

Третий сказал, что некоторые лошади не хотят входить в тёмное помещение, когда приходят с дневного света.

Михал слушал.

Всё это могло быть правдой.

Но Ардó не дрожал.

Не фыркал.

Не отворачивался.

Он стоял и слушал.

«Пока отведите его в другое место», — сказал Михал.

«Но его место здесь».

«Сегодня его место будет в другом месте».

Ардó отвели в другую конюшню.

Он вошёл без малейшего колебания.

На следующий день они попробовали снова.

И произошло в точности то же самое.

Он подошёл к порогу.

Остановился.

На третий день — тоже.

Слух начал распространяться.

Сначала среди конюхов.

Потом среди рабочих.

А в конце концов, как это обычно бывает в Прешове, и среди людей, которые не имели к конному заводу никакого отношения.

В трактире говорили, что одна из новых лошадей отказывается заходить в свою конюшню.

На рынке уже кто-то утверждал, что много лет назад там умер солдат.

К вечеру солдат стало трое.

А на следующее утро одна женщина клялась, что её старая мать рассказывала о человеке, которого когда-то там похоронили.

Михал над этим смеялся.

«Ещё неделя, — сказал он Ондрею, — и там уже будут похоронены турки вместе с лошадьми».

И всё же это не давало ему покоя.

Не потому, что он верил разговорам с рынка.

А потому, что знал лошадей.

Если лошадь чего-то боится, она это показывает.

Если что-то чувствует, ищет это носом.

Если ей что-то не нравится, она старается от этого уйти.

Но Ардб делал нечто другое.

Он слушал.

И всегда в одном и том же месте.

Однажды вечером, когда все остальные уже ушли, Михал

взял фонарь и вернулся к конюшне.

Он вошёл внутрь.

Поставил фонарь на землю.

Замер в тишине.

Ничего.

Только ветер где-то у крыши.

Скрип дерева.

Капля воды.

Потом ещё одна.

Михал ждал.

Через некоторое время он усмехнулся сам над собой.

«Старый дурак», — пробормотал он.

Поднял фонарь.

И тут что-то услышал.

Очень тихо.

Так тихо, что сначала подумал, будто ему показалось.

Он приложил ухо к деревянной стене.

Ничего.

Потом к земле.

И там услышал.

Тихое журчание.

Не голос.

Не шаги.

Воду.

На следующий день позвали мастера, который работал над обустройством территории.

Михал показал ему место.

«Под этим что-то есть».

Мастер рассмеялся.

«Под землёй обычно бывает земля».

«А иногда вода».

Мужчина покачал головой, но в конце концов согласился осмотреть это место.

Когда они сняли часть пола и раскопали землю, под ней обнаружили старый дренажный канал, который уже не выполнял свою функцию так, как должен был. После дождей там скапливалась вода, и земля под частью пола была мягче, чем казалось сверху.

Никакого скелета там не было.

Никакого сокровища.

И никакого призрака солдата.

Только вода и земля.

Рабочие всё починили, укрепили и наладили отвод воды.

Это заняло несколько дней.

Когда всё было готово, Ондрей пришёл к Михалу.

«Ну что, попробуем?»

Они привели Ардó.

Конь шёл спокойно.

Подошёл к конюшне.

Михал остановился.

Ондрей тоже.

Ардó поставил переднее копыто на порог.

На мгновение замер.

Михал следил за его ушами.

Потом жеребец опустил голову и вошёл внутрь.

Без понуканий.

Без страха.

Словно ничего никогда и не случилось.

Ондрей остался у дверей.

«Значит, он слышал воду».

Михал пожал плечами.

«Возможно».

«Но ведь ты тоже её слышал».

«Когда лёг на землю и знал, что ищу».

Он погладил Ардо по шее.

«А он знал это и без того».

Ондрей некоторое время молчал.

«Так поэтому он не хотел туда заходить».

«Возможно».

«Почему ты всё время говоришь „возможно“?»

Михал посмотрел на него.

«Потому что с лошадьми хорошо всегда оставлять одно „возможно“».

Потом он повернулся и ушёл.

Шли годы.

Конный завод на Сабиновской улице рос и стал неотъемлемой частью Прешова. Прибывали новые лошади, новые конюхи, всадники, ремесленники и люди, чья жизнь и рабо-

та были связаны с лошадьми. В его конюшнях стояли жеребцы, во дворах шли тренировки, а город постепенно привык к ржанию, цокоту копыт и запаху сена.

Он настолько привык к лошадям, что спустя много лет уже никому не казалось странным, что они являются частью Прешова.

А Ардó?

О его дальнейшей судьбе говорили мало.

Возможно, он был лишь одной из множества лошадей, прошедших через прешовский конный завод.

Возможно, история о нём со временем изменилась.

Старые конюхи рассказывали её молодым, молодые — своим детям, и каждый добавлял к ней что-нибудь своё.

Одни утверждали, что под конюшней текла вода.

Другие — что там остался старый засыпанный колодец.

А находились и такие, кто был убеждён, что конь слышал нечто совсем иное.

Говорили, что Михал Баран никогда не отвечал на подобные разговоры.

Когда спустя годы кто-то спросил его, что же тогда Ардó на самом деле услышал у дверей конюшни, старый конюх лишь улыбнулся.

«Если бы это предназначалось для человеческих ушей, — сказал он, — мы бы слышали это первыми».

И больше ничего об этом не сказал.

Однако прешовский конный завод оставался на Сабинов-

ской улице ещё многие десятилетия.

Мимо его стен проходили поколения прешовцев. За ними ржали лошади, звенели подковы, а люди, работавшие там, усваивали одну вещь, которую Михал Баран знал уже давно: человек может вести лошадь, кормить её, подковывать, обучать и запрягать.

Он может знать её происхождение, возраст и силу.

Но никогда не должен быть полностью уверен в том, что воспринимает окружающий мир лучше, чем она.

И, возможно, именно там, на Сабиновской улице, началась одна из историй, благодаря которым образ лошади позднее так прочно связался с Прешовом.

Настолько прочно, что старый конный завод однажды исчез, его конюшни умолкли, а во дворах перестал звучать стук копыт.

Но одно осталось.

Коняры.

О конюхе, который узнавал лошадей по шагам

С тех пор как на Сабиновскую улицу привели первых жеребцов, прошло несколько лет.

Прешов привык к конному заводу.

Поначалу люди останавливались возле каждой новой лошади, проходившей по улице. Дети бежали за всадниками, мужчины у ворот оценивали ноги, спину и грудь жеребцов, а пожилые хозяева могли часами рассуждать о том, какая ло-

шадь хороша для повозки, какая — под седло, а какая не выдержала бы даже дороги до Сабинова.

Позже лошади стали такой же естественной частью города, как церковные колокола, рыночные повозки или ремесленные мастерские.

По утрам с Сабиновской было слышно, как открывают конюшни.

Потом голоса конюхов.

Звон металла.

Топот.

Ржание.

И наконец — размеренный стук копыт, когда лошади выходили во двор.

Для человека, который просто проходил мимо, все они звучали почти одинаково.

Но не для Якуба Крижана.

Якуб был одним из старейших конюхов, работавших на конном заводе. Старым он был не только по годам. Он принадлежал к тем людям, по которым было видно, что большую часть жизни они провели на открытом воздухе и рядом с животными. Его лицо было изборождено ветром и холодом, он немного прихрамывал на левую ногу, а два пальца на правой руке уже не мог полностью разогнуть.

Когда молодые спрашивали его, что с ним случилось, он отвечал:

«Лошадь».

Если спрашивали какая, он говорил:

«Молодая».

А когда хотели узнать больше, он махал рукой.

«Состаритесь рядом с лошадьми — будут у вас свои истории».

Но самым необычным в Якубе было другое.

Он узнавал лошадей по шагам.

Ему не нужно было их видеть.

Когда он сидел в шорной и через двор проходила лошадь, иногда он лишь поднимал голову.

«Бело».

Через мгновение в дверях появлялся конюх, ведущий Бело.

Или говорил:

«Это Гектор».

И это был Гектор.

Молодые пытались его подловить.

Водили лошадей с противоположной стороны двора.

Меняли порядок.

Однажды даже одному жеребцу заменили подкову прямо перед тем, как провести его мимо окна.

Якуб нахмурился.

«Что вы сделали с его левой задней?»

После этого они перестали смеяться.

«Как ты это узнаёшь?» — спросил его однажды молодой конюх Мартин.

Якуб пожал плечами.

«А как ты узнаёшь человека по голосу?»

«Это другое».

«Почему?»

Мартин не знал.

Якуб прислонил вилы к стене.

«Каждая лошадь ходит по-своему. Одна ставит ногу твёрдо. Другая немного её волочит. У одной шаг короткий, у другой длиннее. Одна спешит, даже когда её никто не гонит. Другая обдумывает каждый шаг».

«Лошадь не обдумывает шаги».

Якуб посмотрел на него.

«Ты лошадь?»

«Нет».

«Тогда откуда знаешь?»

Мартин рассмеялся.

Якуб — нет.

Для него в этом не было ничего необычного.

Когда человек слушает одних и тех же лошадей каждый день, утром и вечером, в дождь, жару и мороз, он начинает различать то, что ускользает от других.

По мнению Якуба, умение слушать было рядом с лошадьми столь же важным, как и умение смотреть.

А потом пришла зима, которую в Прешове вспоминали ещё долго.

Снег начал падать уже после полудня.

Сначала медленно.

Крупные хлопья ложились на крыши, заборы и ветви деревьев. Дети радовались им, а люди, возвращавшиеся с рынка, лишь плотнее запахивали пальто.

Но к вечеру ветер усилился.

Сабиновская улица постепенно затихла.

Повозки перестали ездить.

В окнах домов зажёгся свет, и люди остались у печей.

На конном заводе кто-то должен был оставаться всегда.

Лошадь не знает, что наступила ночь.

Не знает, что сегодня воскресенье.

Не знает даже, что снаружи бушует снежная метель и человеку не хочется покидать тёплую комнату.

Её нужно накормить, напоить и проверить.

В ту ночь дежурил Якуб.

Жил он недалеко, но в такую погоду решил никуда не уходить. В маленькой комнате возле конюшен он растопил печь, положил пальто на лавку и приготовил себе кружку горячей воды с небольшим количеством трав.

Перед этим он ещё раз обошёл все конюшни.

Лошадей он узнавал не только по шагам.

Он узнавал их и по тому, как они стояли.

Бело был спокоен.

Молодой рыжий конь у дверей всё время оглядывался.

Два новых жеребца, которых привезли несколько недель назад, стояли рядом.

Старый гнедой спал.

Якуб проверил воду.

Посмотрел на двери.

Затем погасил фонарь в последней конюшне.

«Спокойной ночи, господа».

Одна из лошадей фыркнула.

«И тебе».

Он вернулся в комнату.

Снаружи завывал ветер.

Снег бил в окно, и время от времени раздавался скрип
деревянных ворот.

Якуб сидел у печи.

Слушал.

Конюх учится спать иначе, чем остальные люди.

Даже когда он закрывает глаза, часть его сознания остаёт-
ся с лошадьми.

Его может разбудить необычное ржание.

Удар копыта.

Треск дерева.

Или тишина там, где тишины быть не должно.

Якуб не знал, сколько времени он дремал.

Может быть, час.

Может быть, два.

Его разбудил звук.

Он открыл глаза.

В комнате было темно, лишь через щель в дверце печи

пробивался красный свет.

Якуб остался сидеть.

Сначала он подумал, что услышал, как с крыши падает снег.

Потом звук раздался снова.

Цок.

Мгновение тишины.

Цок.

Цок.

Якуб поднял голову.

Лошадь.

Кто-то вёл лошадь через двор.

Он слушал.

Цок.

Цок.

Цок.

Медленно.

Равномерно.

«Кто там?» — крикнул он.

Ничего.

Шаги продолжались.

Якуб потянулся за пальто.

Может быть, пришёл кто-то из конюхов.

Но зачем ему идти в такую метель?

Он открыл дверь.

Внутри ворвался холодный воздух и несколько снежинок.

«Кто там?»

Двор был белым.

Снег падал так густо, что противоположный конец двора почти не был виден.

Якуб поднял фонарь.

Никого.

Он вышел наружу.

Снег доходил ему выше щиколоток.

Он посмотрел на ворота.

Закрыты.

Потом на конюшни.

Двери тоже закрыты.

«Эй!»

Ответил лишь ветер.

Якуб подошёл к первой конюшне.

Все лошади были на своих местах.

Во второй тоже.

В третьей тоже.

Он пересчитал их.

Одна.

Вторая.

Третья.

Всё сходилось.

Он вернулся в комнату.

Повесил пальто.

«Ветер», — сказал он самому себе.

Сел.

Почти сразу раздалось:

Цок.

Якуб замер.

Цок.

Цок.

На этот раз шаги доносились с другой стороны двора.

Медленно.

Цок.

Цок.

Якуб закрыл глаза.

Слушал.

И тут его пробрал холод сильнее, чем снаружи.

Этот шаг он знал.

Это был не неопределённый топот.

Не дерево.

И не ветер.

Лошадь шла немного неровно.

Обе передние ноги ступали почти одинаково, но правая задняя опускалась на землю на едва заметное мгновение позже.

Цок.

Цок.

...цок.

Якуб встал.

«Нет».

Он вышел во двор во второй раз.

Никого.

Но на этот раз к конюшням не пошёл.

Стоял посреди снега и слушал.

Шаги прекратились.

«Этого не может быть», — тихо сказал он.

Потому что этот шаг он знал.

Он принадлежал жеребцу по имени Враник.

Это был большой тёмный конь, которого Якуб знал несколько лет. Правая задняя нога с молодости была у него немного скованной. Он не хромал. В работе это ему не мешало. Но при медленной ходьбе задержку можно было услышать.

Якуб узнал бы этот шаг среди десяти лошадей.

Только Враника на конном заводе не было.

Несколько месяцев назад его увели.

Якуб помнил тот день.

Он держал его за недоуздок, когда его выводили со двора.

У ворот Враник один раз обернулся.

Потом ушёл.

Якуб больше ничего о нём не слышал.

Он стоял в снегу.

«Глупость».

Вернулся в комнату.

На этот раз не сел.

Ждал у двери.

Шаги раздались снова.

Цок.

Цок.

...цок.

Точно.

Якуб резко открыл дверь.

«Враник!»

Тишина.

Только снег.

И тут из одной конюшни донеслось ржание.

Потом второе.

И ещё одно.

Якуб побежал.

Открыл дверь.

Лошади были беспокойны.

Некоторые подняли головы.

Одна скребла передней ногой.

«Спокойно».

Он прошёл между ними.

«Спокойно, ребята».

Потом заметил молодого рыжего коня у задней стены.

Он стоял как-то странно.

Якуб подошёл к нему.

«Что такое?»

Конь пошевелился.

И Якуб увидел.

Подстилка у его ног была мокрой.

Не от коня.

По стене медленно стекала вода.

Якуб поднял фонарь.

Над ними находилась часть крыши, на которой за день скопился тяжёлый снег. Ветер намёл его на одну сторону, и старое дерево начало прогибаться под тяжестью.

Раздался треск.

Якуб сразу всё понял.

Он выбежал наружу и разбудил других мужчин, живших неподалёку.

Лошадей из этой части конюшни вывели.

Не прошло и часа, как под тяжестью снега обрушилась часть крыши.

Большой беды не случилось.

Никто не пострадал.

К утру большую часть снега убрали, а повреждённое место укрепили.

«Тебе повезло», — сказал утром Мартин.

Якуб стоял у конюшни.

«Возможно».

«Если бы ты не проснулся...»

Якуб молчал.

«А что тебя вообще разбудило?»

«Шаги».

«Чьи?»

Якуб посмотрел на него.

«Лошади».

Мартин рассмеялся.

«Но ведь лошади были в конюшнях».

«Были».

«Так какой лошади?»

Якуб долго не отвечал.

Потом сказал:

«Враника».

Мартин перестал улыбаться.

Враника он знал.

«Но Враника здесь уже нет».

«Знаю».

«Значит, ты ошибся».

Якуб кивнул.

«Наверное».

На этом разговор закончился.

Прошла зима.

Пришла весна.

Потом лето.

О происшествии с крышей постепенно забыли.

Однажды после полудня на конный завод пришёл мужчина, которого Якуб не знал. Он привёз новости и между делом упомянул нескольких лошадей, которые когда-то прошли через Прешов.

Якуб спросил его:

«Ты ничего не знаешь о Вранике? Большой тёмный жеребец. Правая задняя немного скованная».

Мужчина задумался.

«Враник...»

Потом кивнул.

«Знаю».

Якуб ждал.

«Он пал зимой».

«Когда?»

Мужчина пожал плечами.

«Точно не знаю. Была сильная метель. Где-то в начале зимы».

Якуб ничего не сказал.

«Ты его знал?»

«Знал».

Мужчина ушёл.

Якуб остался у дверей конюшни.

Точного дня он так никогда и не узнал.

А может быть, и не хотел узнавать.

Молодые конюхи ещё много лет пытались его проверять.

«Кто идёт?» — спрашивали они, когда за стеной раздавался стук копыт.

Якуб слушал.

«Бело».

Или:

«Рыжий».

Или:

«Тот новый из третьей конюшни».

Чаще всего он был прав.

Когда ошибался, смеялся вместе с остальными.

Лишь однажды, когда он уже был очень стар, один молодой конюх спросил его:

«Вы действительно узнаете каждую лошадь по шагам?»

Якуб опёрся на палку.

Посмотрел во двор.

«Нет».

Молодой человек был разочарован.

«Так это просто говорят?»

«Почти каждую узнаю».

«А какую не узнаете?»

Якуб усмехнулся.

«Ту, которой уже не по чему ходить».

Молодой человек не понял.

Якуб ему не объяснил.

И говорят, что ещё долго после этого, когда зимой на Сабиновской улице выпадал свежий снег и ночь была такой тихой, что слышался треск дерева в конюшнях, старые конюхи иногда переставали работать и прислушивались.

Не потому, что верили в призраков.

У конюхов не было много времени на такие вещи.

Но они знали, что лошади слышат то, чего не слышит человек.

Чувствуют то, чего человек не чувствует.

И иногда предупреждают человека раньше, чем он поймёт, что ему угрожает опасность.

Действительно ли в ту зимнюю ночь Враник ходил по заснеженному двору, никто так никогда и не смог доказать.

Возможно, Якуба разбудил треск дерева.

Возможно, ветер бил чем-то о стену в равномерном ритме.

Возможно, старый конюх, всю жизнь слушавший стук лошадиных копыт, в полусне превратил обычный звук в шаги коня, которого любил.

Всё это возможно.

Но Якуб Крижан до самой смерти утверждал одно.

Что в ту ночь он проснулся не от треска крыши.

Его разбудила лошадь.

А когда его спрашивали, как он может быть в этом так уверен, он всегда отвечал одинаково:

«Потому что человек может забыть имя лошади.

Может забыть её масть.

Через годы, возможно, забудет даже её облик.

Но если он прошёл с ней часть своей жизни, её шаг он не забудет никогда».

О подкове из-под Сабиновской улицы

Когда работаешь с лошадьми долгие годы, подковы перестают быть чем-то, на что человек обращает особое внимание.

Они повсюду.

Висят на стенах кузниц, лежат возле наковален, перевозятся в мешках, изношенные отбрасываются в сторону, а новые ждут своего часа. Одна служит долго, другая расшатывается.

вается через несколько недель, а какая-нибудь теряется на дороге так, что её уже никто не находит.

Для кузнеца подкова — прежде всего кусок железа.

Она должна подходить.

Не должна давить.

Не должна быть ни слишком короткой, ни слишком длинной.

И должна быть прибита так, чтобы после выхода из кузницы лошадь шла лучше, чем до этого.

По крайней мере, так говаривал Самуэл Ковач, который подковывал лошадей при прешовском конном заводе на Сабиновской улице.

Фамилия у него была такая, что молодые часто над ним посмеивались.

«Самуэл, что бы ты делал, если бы твоя фамилия была Пекарь?»

«Пёк бы хлеб».

«А если бы Мясник?»

«От вас был бы покой».

Самуэл не любил лишних разговоров.

Он был могучим мужчиной с чёрными усами, широкими плечами и предплечьями, обожжёнными искрами. Когда он держал молот, тот казался в его руке меньше, чем был на самом деле.

Лошади его не боялись.

Это он считал большей похвалой, чем всё, что люди могли

сказать о его работе.

«Лошадь знает, кто боится, — говаривал он. — А ещё лучше знает, кто хочет причинить ей боль».

В кузнице на Сабиновской улице с самого утра было жарко.

Мех нагнетал воздух в огонь, железо раскалялось докрасна, а молот бил по наковальне.

Дзинь.

Дзинь.

Дзинь.

Когда Самуэл прикладывал раскалённую подкову к копыту, воздух на мгновение наполнялся резким запахом жжёного рога.

Молодые лошади иногда нервно дёргали при этом ногой.

Старые уже знали, что будет дальше.

Самуэл всегда сначала гладил их по плечу.

Не потому, что был мягким человеком.

А потому, что лошадь, которая стоит спокойно, облегчает работу и себе, и кузнецу.

Одним весенним утром пришли рабочие ремонтировать часть дороги возле конного завода.

Зима в том году оставила Сабиновскую улицу разбитой. Вода стояла в выбитых местах, а колёса повозок оставляли глубокие колеи. Когда земля немного подсохла, начали выравнивать неровности.

Самуэл вышел из кузницы.

Несколько мужчин отбрасывали землю и камни.

«Если вы там такую яму сделаете, — крикнул он им, — мне придётся подковывать не только лошадей, но и ваши повозки».

Один из рабочих опёрся на лопату.

«Так иди помоги».

«Я исправляю то, что портите вы».

«А мы исправляем то, что портят ваши лошади».

Самуэл улыбнулся и вернулся к работе.

Через некоторое время что-то звякнуло.

Не так, как камень.

Кузнец знал этот звук.

Железо.

Он вышел наружу.

Один из рабочих держал в руке кусок ржавого металла.

«Самуэл! Для тебя работа!»

Он бросил ему предмет.

Самуэл поймал его.

Это была подкова.

Старая.

Очень старая.

Ржавчина покрывала её почти целиком, а один конец был повреждён. Несмотря на это, она сохраняла форму.

Самуэл повертел её в руках.

«Откуда она?»

Рабочий указал на землю.

«Оттуда».

«Как глубоко?»

«Не знаю. На штык лопаты».

Самуэл нахмурился.

«На один?»

«Может, немного глубже».

Кузнец очистил подкову большим пальцем.

«Что такое?» — спросил рабочий.

Самуэл не ответил.

Он подошёл к месту, где её нашли.

«Где именно?»

Рабочий показал.

Самуэл присел на корточки.

Посмотрел на вскрытую землю.

«Странно».

«Что?»

«Ничего».

Он вернулся в кузницу.

Положил подкову на стол.

Весь день время от времени поглядывал на неё.

Вечером взял её в руки и начал чистить.

Под слоем ржавчины показалось железо.

Она была изготовлена не так, как подковы, которыми пользовался он.

Была толще.

Немного уже.

Отверстия для подковных гвоздей располагались иначе.

Самуэл долго её рассматривал.

На одной ветви он заметил небольшую метку.

Сначала подумал, что это повреждение.

Очистил место лучше.

Там были две короткие насечки, пересекавшиеся крестом, а рядом с ними ещё одна.

Не украшение.

Скорее знак человека, который её изготовил.

Самуэл знал клейма нескольких кузнецов из Прешова и окрестностей.

Этого он не знал.

На следующий день он показал подкову старому конюху Юраю.

«Что скажешь?»

Юрай перевернул её.

«Подкова».

«Это я вижу».

«Тогда зачем спрашиваешь?»

«Посмотри».

Он показал ему метку.

Юрай прищурился.

«Не знаю».

«Я тоже».

«Значит, старая».

«Это я тоже вижу».

Юрай вернул её ему.

«Брось её к железу».

Самуэл этого не сделал.

Он повесил подкову на гвоздь возле наковальни.

И она осталась там.

На несколько недель.

Пока однажды утром не привели молодого жеребца.

Его звали Блеск.

Это имя он получил ещё до прибытия в Прешов, хотя Самуэл утверждал, что человек, который его так назвал, должно быть, обладал своеобразным чувством юмора.

Потому что Блеск вовсе не был резким.

Он был спокойным.

Высокий светло-гнедой жеребец с тёмной гривой, хорошими ногами и уравновешенным характером.

«Передняя правая», — сказал конюх, который его привёл.

Самуэл поднял копыто.

Подкова была повреждена.

«Где вы с ним ходите? По камням?»

«Расшаталась».

Самуэл снял её.

Осмотрел копыто.

Потом начал искать подходящую новую подкову.

Одна была широкой.

Другая узкой.

Третью пришлось бы слишком сильно подгонять.

Тут он посмотрел на стену.
На старую подкову.
Снял её с гвоздя.
Приложил к копыту.
Почти точно.
Самуэл нахмурился.
«Что?» — спросил конюх.
«Ничего».
«Будешь использовать эту?»
«Почему нет?»
«Но она же старая».
«Железо не знает, сколько ему лет».
Самуэл положил её в огонь.
Мех загудел.
Ржавое железо медленно нагревалось.
Сначала потемнело.
Потом покраснело.
Самуэл вытащил его клещами и положил на наковальню.
Молот зазвенел.
Раз.
Два.
Три.
Старая подкова менялась под его руками.
Не сильно.
Лишь настолько, чтобы точно подойти.
Когда он приложил её к копыту, Блеск остался спокоен.

Самуэл прибил её.

Конь поставил ногу на землю.

«Проведи его».

Конюх провёл его перед кузницей.

Блеск шёл ровно.

Самуэл кивнул.

«Хорошо».

И на этом вся история закончилась бы, если бы через три дня конюх не пришёл снова.

«Самуэл».

«Что?»

«Посмотри на Блеска».

«Что с ним?»

«Ничего».

«Тогда зачем мне на него смотреть?»

«Останавливается».

Самуэл поднял глаза.

«Где?»

«На улице».

«Лошадь иногда останавливается».

«Всегда в одном и том же месте».

Самуэл вышел наружу.

«Покажи».

Конюх отвёл Блеска дальше по Сабиновской, а затем вернулся с ним обратно.

Конь шёл спокойно.

Когда подошёл к месту перед конным заводом, замедлил шаг.

И остановился.

Самуэл посмотрел на землю.

Точно там, где рабочие несколькими неделями раньше шли подкову.

«Иди», — сказал конюх.

Блеск сделал шаг.

Потом ещё один.

Прошёл дальше.

«Совпадение», — сказал Самуэл.

На следующий день он остановился снова.

На третий — тоже.

Когда шёл в противоположном направлении, останавливался на том же самом месте.

Он не боялся.

Не вставал на дыбы.

Просто опускал голову.

Иногда обнюхивал землю.

А потом шёл дальше.

Весть, конечно же, разнеслась.

«Подкова тянет его туда», — сказал один из молодых конюхов.

Самуэл посмотрел на него.

«Железо никого не тянет».

«Тогда почему он останавливается?»

«Потому что он лошадь».

«Раньше он там не останавливался».

«Раньше у него была другая подкова».

Молодой человек улыбнулся.

Самуэл понял, что сказал.

«Я не это имел в виду».

Но и сам начал испытывать любопытство.

Однажды вечером, когда улица была спокойной, он взял лопату.

Пришёл на то место.

Начал копать.

Сначала осторожно.

Потом глубже.

Земля.

Камни.

Ничего.

Через некоторое время лопата наткнулась на что-то твёрдое.

Самуэл отгрёб землю рукой.

Там был плоский камень.

Рядом второй.

Потом третий.

Старый слой дороги.

Ничего необычного.

Прешов менялся, и дороги вместе с ним. Старые покрытия оставались под новыми, новые ремонтировали, а спустя

годы их накрывали следующие.

Самуэл уже хотел засыпать яму, когда между двумя камнями увидел что-то тёмное.

Он вытащил это.

Маленький кусок железа.

Очистил его.

Это был подковный гвоздь.

Старый.

Очень старый.

Самуэл присел на корточки.

Некоторое время смотрел на него.

Потом продолжил копать.

Нашёл второй.

И третий.

Больше ничего.

Никаких костей.

Никакого сокровища.

Никакой старой повозки.

Только три куса железа, которые могли пролежать в земле десятки лет.

Утром он показал их Юраю.

«Значит, когда-то там кто-то потерял подкову», — сказал конюх.

«Это мы знаем».

«Что ещё ты хочешь узнать?»

Самуэл пожал плечами.

«Почему она лежала так глубоко».

«Потому что старая».

«А почему Блеск останавливается именно там?»

Юрай рассмеялся.

«Так теперь ты меня спрашиваешь?»

Самуэл ничего не сказал.

На следующий день он снял с Блеска старую подкову.

Поставил ему новую.

Потом велел провести его по Сабиновской улице.

Конь подошёл к тому месту.

Замедлил шаг.

Самуэл задержал дыхание.

Блеск сделал шаг.

И прошёл дальше.

Не остановился.

Самуэл нахмурился.

«Ещё раз».

Они вернулись.

Блеск снова прошёл.

Не останавливаясь.

«Видишь? — сказал молодой конюх. — Дело было в той подкове».

Самуэл одёрнул его.

«Не говори глупостей».

«Тогда поставь её обратно».

«Зачем?»

«Чтобы мы знали».

Самуэл долго смотрел на него.

Потом взял старую подкову.

Снова прибил её Блеску.

После полудня его провели по улице.

Блеск подошёл к тому месту.

И остановился.

Никто не смеялся.

Самуэл подошёл к коню.

Поднял ему ногу.

Проверил копыто.

Подкова сидела хорошо.

Не расшаталась.

Не давила.

Конь не проявлял никаких признаков боли.

Самуэл опустил ногу обратно на землю.

Блеск опустил голову и обнюхал место.

Потом спокойно пошёл дальше.

«Ну что?» — спросил молодой конюх.

Самуэл не ответил.

Вечером он снял подкову.

Больше он никогда не прибивал её ни одной лошади.

Повесил обратно на гвоздь возле наковальни.

Годами она висела в кузнице.

Самуэл состарился.

Его чёрные усы поседели, а молот, который когда-то он

держал часами, стал тяжёлым для его руки.

Молодые кузнецы пользовались новым железом.

Новыми инструментами.

Новыми подковами.

Старая подкова оставалась на стене.

Иногда кто-нибудь о ней спрашивал.

«Чья она?»

Самуэл отвечал:

«Дорожная».

«Что значит дорожная?»

«Я нашёл её под дорогой».

«А почему ты её не выбросишь?»

Самуэл улыбался.

«Потому что её уже однажды выбросили».

Больше он ничего не говорил.

А что же на самом деле произошло?

Возможно, старая подкова имела немного другую форму, и Блеск при ходьбе чувствовал разницу, которую человек не мог заметить.

Возможно, в месте, где её нашли, сохранился запах или в земле было что-то, что привлекало его внимание.

Возможно, поверхность дороги под весом коня звучала там иначе.

А может быть, Блеск в первый раз остановился случайно, а потом просто запомнил это место.

Тот, кто знает лошадей, знает, что их память иногда бы-

вает лучше, чем думает человек.

Только одна вещь оставалась странной.

Однажды Самуэл тщательно очистил подкову.

На одной её ветви было старое кузнечное клеймо.

Две короткие насечки, пересекавшиеся крестом, а рядом с ними одна.

А когда несколько лет спустя ремонтировали старую часть стены возле Сабиновской улицы, Самуэл нашёл на камне прямо над землёй такой же знак.

Крест.

И рядом с ним одну короткую черту.

Это могло быть клеймо каменщика.

Могло быть совпадением.

Или оба знака означали что-то, чего уже никто не понимал.

Самуэл никого об этом не спрашивал.

Подкову со стены не снимал.

А когда однажды окончательно уходил из кузницы, оставил её там.

«Не заберёшь её с собой?» — спросил его молодой кузнец.

Самуэл обернулся у двери.

Посмотрел на старое железо.

«Нет».

«Почему?»

Самуэл немного подумал.

Потом сказал:

«Я нашёл её на Сабиновской».

Он открыл дверь.

«Так пусть и останется на Сабиновской».

И ушёл.

Что случилось с подковой потом, уже никто не знал.

Возможно, она оказалась среди старого железа.

Возможно, кто-то взял её на счастье.

А возможно, она и по сей день лежит где-то там, куда спуска много лет снова вернулась.

Потому что старые конюхи говаривали, что подкова принадлежит лошади лишь до тех пор, пока та её носит.

Потом она принадлежит дороге.

А дорога, как говорят, рано или поздно забирает обратно всё, что на ней осталось.

О жеребце, который не хотел, чтобы его продали

В те времена, когда на дорогах Шариша цокот конских копыт звучал чаще, чем что-либо другое, хорошая лошадь имела цену, которую нельзя было измерить одними деньгами.

Лошадь тянула плуг.

Возила древесину из леса, зерно с полей, товары на рынки и людей между городами и деревнями. Без лошадей многие

дороги растянулись бы на целые дни, а иной хозяин едва ли справился бы и с половиной работы в своём хозяйстве.

А были и лошади, от которых ожидали совсем другого.

Они должны были быть сильными, здоровыми, выносливыми, хорошо сложенными и спокойного нрава. Такими, чьё потомство могло улучшить разведение лошадей далеко за пределами места, где они родились или выросли.

Именно поэтому на прешовский конный завод на Сабиновской улице приезжали люди из разных краёв.

Одни только смотрели.

Другие советовались.

А некоторые приезжали ради конкретной лошади.

Одним из коней, которые в то время стояли в прешовских конюшнях, был тёмно-гнедой жеребец по имени Карол.

В нём не было ничего сказочного.

У него не было ни белой гривы, ни необычной отметины на лбу. Он не был самым крупным жеребцом в конюшне, и при его появлении не произошло ничего такого, о чём потом рассказывали бы по всему городу.

Он был просто хорошим конём.

У него было крепкое телосложение, сильные ноги, широкая грудь и спокойные глаза.

Больше всего конюхи ценили в нём характер.

Карол редко пугался.

Ему не мешал стук дверей.

Чужие лошади его не беспокоили.

Во время чистки он стоял спокойно, а когда его вели, не тянул человека за собой.

«Если бы все были такими, — говаривал конюх Ян Лукач, — половины нашей работы не было бы».

Ян ухаживал за Каролом почти с самого его прибытия.

Каждое утро он открывал дверь конюшни, и ещё прежде, чем успевал сказать хоть слово, Карол уже поворачивал голову.

Он узнавал его шаги.

Узнавал звук ведра, которое тот нёс.

И, по всей видимости, узнавал даже тот момент, когда Ян запускал руку в карман пальто.

«Ничего у меня нет».

Карол наклонялся к нему.

«Правда».

Конь тыкался носом ему в плечо.

Ян доставал кусочек моркови.

«Ах ты вор».

Карол спокойно забирал её.

Так у них всё и происходило.

В этом не было ничего необычного.

Тот, кто годами ухаживает за лошадьми, знает, что одни привязываются к человеку больше, другие меньше. Одна лошадь приходит на зов. Другая делает вид, что не знает человека, пока не увидит еду.

Карол принадлежал к первым.

Когда его вёл Ян, он шёл за ним почти без натяжения недоуздка.

Когда его вёл кто-то другой, тоже слушался.

Но иногда оглядывался.

Словно проверял, где остался Ян.

Одним летним утром в Прешов приехал мужчина, который измерял дорогу не часами, а днями.

Его звали Антал Фаркаш.

Он происходил из южных земель Венгерского королевства и разбирался в лошадях. По крайней мере, сам так утверждал.

В отличие от торговцев, которые приходили на рынок и первым делом спрашивали цену, Антал сначала молчал.

Он прошёл вдоль лошадей.

Посмотрел на ноги.

На спину.

На зубы.

Попросил провести по двору нескольких жеребцов.

И лишь потом начал задавать вопросы.

Ян наблюдал за ним с другой стороны конюшни.

«Он ищет не лошадь для повозки», — сказал он молодому конюху Штефану.

«Откуда ты знаешь?»

«Смотрит иначе».

«Как?»

«Когда смотришь на лошадь для повозки, думаешь, сколь-

ко она сможет тянуть. А этот смотрит, что после неё останется».

В конце концов Антал заметил Карола.

Попросил его вывести.

Жеребец спокойно прошёл по двору.

Потом его провели быстрее.

Антал следил за его шагом.

Провёл рукой по шее, осмотрел ноги и долго разглядывал его сбоку.

«Сколько ему лет?»

Ему ответили.

Он продолжил спрашивать.

Откуда он родом.

Какой у него характер.

Болел ли он.

Как переносит дорогу.

Как реагирует на других лошадей.

Ян уже понимал, к чему всё идёт.

Вечером он узнал, что Антал хочет Карола.

В этом не было ничего необычного.

Лошади приходили.

И лошади уходили.

Конный завод не был местом, где каждая лошадь должна была оставаться до самой смерти.

Ян это знал.

И всё же в тот вечер чистил Карола дольше, чем обычно.

«Значит, уедешь».

Конь спокойно жевал сено.

«Далеко».

Карол поднял голову.

«Там о тебе тоже будут заботиться».

Конь снова принялся за сено.

Ян усмехнулся.

«По крайней мере, один из нас двоих относится к этому разумно».

На следующий день торг продолжился.

Антал умел торговаться.

Цена казалась ему высокой.

А прешовцы, в свою очередь, знали, какой у них конь.

Разговаривали долго.

То спокойно.

То громче.

Антал ушёл.

Через час вернулся.

В конце концов мужчины пожали друг другу руки.

Цена была согласована.

Деньги уплачены.

На следующее утро Карол должен был покинуть Прешов.

Ян пришёл в конюшню ещё до рассвета.

Снаружи было тихо.

Сабиновская улица только просыпалась.

Он открыл дверь.

Карол посмотрел на него.

«Сегодня моркови у меня нет».

Была.

Он дал ему два кусочка.

Потом почистил его.

Проверил копыта.

Провёл ладонью по шее.

«Не буду прощаться с тобой, как старая баба».

Карол стоял.

«Так что пойдёшь как следует».

Ян надел на него недоуздок.

«И не опозоришь меня».

Они вышли во двор.

Антал уже ждал.

С ним были двое мужчин и другие лошади.

Дорога предстояла долгая, и они не хотели терять время.

«Готов?» — спросил Антал.

Ян передал ему недоуздок.

«Он ваш».

Антал взял его.

Карол не двинулся.

«Иди».

Жеребец сделал шаг.

Потом ещё один.

Ян остался стоять.

Карол оглянулся.

«Иди», — сказал Ян.

Жеребец продолжил путь.

Они прошли через двор.

Потом через ворота.

Ян повернулся и направился к конюшне.

И тут услышал:

«Стой!»

Он обернулся.

Карол стоял перед воротами, ведущими на Сабиновскую
улицу.

Антал тянул его за недоуздок.

«Иди».

Конь — ни шагу.

Ян подошёл ближе.

«Что он делает?»

«Не хочет идти».

«Так ведите его».

Антал посмотрел на него.

«Я это и делаю».

Попробовали снова.

Карол пошёл.

Прошёл несколько десятков шагов.

Потом остановился.

Антал потянул.

Конь поднял голову.

«Карол!» — позвал Ян.

Жеребец сразу повернул уши.

Ян прикусил губу.

Не нужно было его звать.

«Иди!»

Карол остался стоять.

«Дайте его мне», — сказал Ян.

Он взял недоуздок.

«Идём».

Карол пошёл.

Без сопротивления.

Ян повёл его по Сабиновской улице.

Антал шёл рядом.

«Видите? — сказал Ян. — С ним всё в порядке».

Они прошли часть пути.

«Теперь вы».

Антал взял недоуздок.

Карол сделал пять шагов.

Остановился.

Антал нахмурился.

«Вы что, шутите надо мной?»

«Я?»

«Конь идёт только с вами».

«Это пройдёт».

Попробовал вести его второй мужчина.

То же самое.

Третий.

Карол прошёл немного дальше.

Потом повернулся в сторону конного завода.

«Упрямый», — сказал Антал.

Ян нахмурился.

«Нет».

«Тогда что это?»

Ян не знал.

Карол никогда таким не был.

Попробовали вести его вместе с другими лошадьми.

Это помогло.

Карол пошёл вместе с ними.

Они двинулись по улице.

Сто шагов.

Может быть, двести.

Ян смотрел им вслед.

На этот раз всё выглядело хорошо.

Потом Карол остановился.

Остальные лошади продолжили идти.

Карол остался стоять.

И повернул голову.

Не к Яну.

Тот стоял слишком далеко.

Он смотрел в сторону конного завода.

Антал вернулся рассерженный.

«Так я с ним не поеду».

«Дайте ему время».

«Сколько?»

«День».

«Я заплатил за лошадь, а не за ожидание».

Ян ничего не мог сказать.

Сделка была заключена.

Карол уже принадлежал Анталу.

В конце концов договорились, что уедут после полудня.

Карола отвели обратно.

Когда он вошёл во двор, шёл спокойно.

Словно ничего не произошло.

«Ах ты дурак», — сказал ему Ян.

Карол ткнул его носом в плечо.

«Перестань».

После полудня попробовали снова.

На этот раз Ян не вышел.

Остался в конюшне.

«Пусть меня не видит».

Антал согласился.

Карола вывели.

Он прошёл через ворота.

Пошёл дальше.

Ян ждал.

Через некоторое время пришёл Штефан.

«Опять стоит».

Ян вздохнул.

«Где?»

«Дальше, чем утром».

Он вышел.

Карол стоял на дороге.

Вокруг него мужчины.

Один держал недоуздок.

Другой пытался подгонять его сзади.

Антал был красным от гнева.

«Никогда такого не видел».

Ян подошёл к Каролу.

«Что ты вытворяешь?»

Конь наклонился к нему.

Ян положил ладонь ему на лоб.

«Ты должен идти».

Карол спокойно стоял.

«Понимаешь?»

Антал фыркнул.

«Если бы понимал, мы бы уже были в пути».

Ян повернулся.

«Он понимает достаточно».

«Тогда объясните ему».

Ян снова взял недоуздок.

«Я отведу его подальше за город».

Антал кивнул.

И они пошли.

Ян вёл Карола.

За ними шли люди Антала и лошади.

Они прошли по Сабиновской улице.
Дома постепенно редели.
Город оставался позади.
Карол шёл без сопротивления.
Ян молчал.
Когда они отошли достаточно далеко, он остановился.
Погладил коня по шее.
«Отсюда уже должен идти сам».
Он передал недоуздок Анталу.
Карол оставался спокойным.
Ян повернулся.
Сделал несколько шагов в сторону Прешова.
Позади себя он слышал движение лошадей.
Не оглянулся.
Шёл дальше.
Потом шаги прекратились.
Ян закрыл глаза.
«Не делай этого».
Тишина.
Он продолжил идти.
Через некоторое время услышал быстрый стук копыт.
Обернулся.
Карол вырвал недоуздок из руки одного из мужчин.
Он бежал.
Не прочь от Прешова.
К Прешову.

«Ловите его!»

Ян отступил с дороги.

Карол промчался мимо него.

Недоуздок подпрыгивал за ним.

«Карол!»

Жеребец не остановился.

Бежал дальше.

Антал ругался.

Мужчины побежали за ним.

Когда они вернулись к конному заводу, Карол стоял перед закрытыми воротами.

Спокойно.

Ждал.

Ян пришёл последним.

Антал стоял посреди улицы.

«Нет, так не пойдёт».

«Мне жаль».

«Что вы с ним делаете?»

«Ничего».

«Тогда почему он возвращается?»

Ян посмотрел на Карола.

«Не знаю».

Антал хотел расторгнуть сделку.

Но это было не так просто.

Деньги уже были уплачены, договорённость заключена, и всё имело свой порядок.

Начались новые переговоры.

В конце концов решили, что Карол останется ещё на несколько дней, а потом его снова попробуют увезти.

В эти дни он был спокоен.

Ел.

Ходил по двору.

Слушался каждого.

Но стоило дороге повести прочь из Прешова, как он настораживался.

На третий день Антал пришёл к Яну.

«Куплю другого».

Ян посмотрел на него.

«Правда?»

«Не хочу лошадь, которую каждое утро придётся искать на дороге в Прешов».

Выбрали другого жеребца.

Тот уехал без проблем.

А Карол остался.

Ян был этому рад.

Он бы в этом не признался.

Но был рад.

Прошли месяцы.

Потом год.

Карол продолжал жить своей обычной лошадиной жизнью.

Пока однажды не пришло решение, что он должен отпра-

виться в другое место.

Когда Ян об этом узнал, лишь кивнул.

«Значит, всё-таки».

На этот раз его должен был отвести человек, которого Карол знал.

Утром Ян подготовил его.

Дал ему морковь.

Только одну.

«В прошлый раз ты и так достаточно меня опозорил».

Карол жевал.

«Сегодня пойдёшь».

Они вышли.

У ворот Ян остановился.

Ждал.

Карол прошёл.

Не остановился.

Продолжил идти по Сабиновской улице.

Ян был удивлён.

Конь один раз оглянулся.

Потом второй.

Но шёл.

Без сопротивления.

Ян смотрел ему вслед, пока тот не исчез.

«Вот видишь, — сказал Штефан, стоявший рядом с ним.

— В прошлый раз он просто упрямылся».

Ян покачал головой.

«Карол не был упрямым».

«Тогда что с ним было?»

«Не знаю».

И он действительно не знал.

Через несколько месяцев пришла весть, что Карол привык к новому месту.

Был спокоен.

Слушался.

Не убегал.

Не возвращался в Прешов.

Словно никогда ничего необычного не происходило.

И именно поэтому эту историю постепенно забыли.

Только Ян её не забыл.

Когда он уже был старше и у конюшен работали мужчины, которые никогда не видели Карола, иногда он рассказывал им о нём.

Конечно, не всему они верили.

«Но ведь лошадь не знает, где заканчивается Прешов», — сказал однажды один молодой человек.

«Не знает», — ответил Ян.

«Тогда как он мог знать, что его уведут прочь?»

Ян пожал плечами.

«Это тебе нужно спросить у лошади».

Молодой человек рассмеялся.

«Может быть, он не хотел уходить от вас».

Ян некоторое время молчал.

«Возможно».

Это объяснение ему нравилось.

Но оно было неполным.

Ведь Карол останавливался не только тогда, когда Ян оставался позади.

Когда его впервые уводили, он оглядывался в сторону всего конного завода.

На конюшни.

На двор.

На Сабиновскую улицу.

На места, которые знал.

Возможно, лошади не понимают слов дом и чужбина так, как люди.

Возможно, они не говорят себе, что этот город их, а тот — уже нет.

Но они знают запах своей конюшни.

Звук дверей.

Голоса людей.

Место, где им дают воду.

Дорогу, по которой они идут каждое утро.

Они знают руки человека, который их чистит, и узнают его шаги ещё до того, как он появится в дверях.

И, возможно, именно из таких вещей складывается дом и для лошади.

Много лет спустя Ян сидел перед конюшней со своим внуком.

Мальчик спросил его:

«Дедушка, правда, что лошади всегда находят дорогу домой?»

Ян улыбнулся.

«Не всегда».

«Но Карол её нашёл».

«Карол ещё даже не уехал».

«Тогда почему он вернулся?»

Старый конюх посмотрел на Сабиновскую улицу.

Долго не отвечал.

Потом положил руку внуку на плечо.

«Знаешь, что самое трудное в возвращении?»

Мальчик покачал головой.

«Сначала нужно знать, где твоё место».

Мальчик не совсем это понял.

Ян больше ничего не объяснял.

Потому что не всё, что люди приписывали прешовским лошадям, обязательно должно было быть таинственным.

И не всё, что имело простое объяснение, обязательно должно было быть обычным.

Карол не был заколдован.

Никто его не призывал.

Ничто не тянуло его назад невидимой силой.

Он был всего лишь конём, который однажды не захотел удаляться от места, где знал каждый голос, каждую дверь и каждый угол.

Почему же через год он ушёл спокойно, никто не знал.

Возможно, повзрослел.

Возможно, доверял человеку, который его вёл.

Возможно, первый покупатель просто пах не так, как нравилось Каролу.

Но у старых жителей Сабиновской улицы было ещё одно объяснение.

Они говорили, что иногда даже лошади нужно дать время, чтобы попрощаться с местом.

А когда кто-нибудь спрашивал их, действительно ли они в это верят, они лишь улыбались.

Ведь кто может с уверенностью сказать, что помнит лошадь, когда в последний раз оглядывается на место, которое было её домом?

О ночном ржании с Большого двора

Большой двор ночью выглядел иначе, чем днём.

При свете человек видел там конюшни, двери, стены, тележки, бочки с водой, кучи сена и людей, которые постоянно куда-то спешили. По двору ходили лошади, конюхи перекрикивались друг с другом, где-то звякало железо, в другом месте открывались ворота, и на мгновение внутрь проникал шум Сабиновской улицы.

Но когда наступала ночь, всё менялось.
Стены словно отдалялись друг от друга.
Двор казался больше.
Темнее.

А там, где днём человек видел обычный угол здания или открытый проход, в темноте появлялись места, возле которых даже человек с рассудительной головой не всегда был уверен, что именно он видит.

Особенно зимой.

И особенно тогда, когда над Прешовом стоял туман.
В одну такую ночь дежурил Ондрей Сабол.
В нём не было ничего особенного.

Он был человеком порядочным, трудолюбивым и скорее недоверчивым.

Не любил разговоров о знамениях.

Когда кто-нибудь утверждал, что лошадь ночью увидела призрака, Ондрей обычно спрашивал, сколько вина перед этим увидел её хозяин.

Когда пожилые женщины рассказывали об огнях над дорогой, он говорил, что это был туман.

А когда кто-нибудь клялся, что слышал возле конюшен шаги человека, который уже давно там не работал, Ондрей смеялся.

«Если бы мёртвые возвращались на работу, — говаривал он, — в мире было бы гораздо больше порядка».

Но в тот вечер ему было не до шуток.

Было холодно.

Не сильно.

Скорее тихо.

Такой холод медленно пробирается человеку под пальто.

Снег лежал у стен и на крышах, но днём потеплело, и к вечеру над улицами начал стелиться низкий туман.

Фонари в нём светили недалеко.

Их свет расплывался молочными кругами, а за ними всё исчезало.

Ондрей обошёл конюшни.

Лошади были спокойны.

Он проверил воду.

Поправил подстилку у одного молодого жеребца.

Погасил свет там, где он уже был не нужен.

Наконец вернулся в маленькую комнату возле Большого двора.

Сел у печи.

Снаружи было тихо.

Так тихо, что он слышал, как потрескивают дрова в печи.

На мгновение закрыл глаза.

Потом снова их открыл.

Он не знал почему.

Ему показалось, что что-то изменилось.

Сначала он ничего не слышал.

Потом из одной конюшни донеслось тихое ржание.

Одно.

Короткое.

Ондрей не пошевелился.

Лошадь может заржать и во сне.

Через некоторое время ответила другая.

С противоположной стороны двора.

Потом третья.

И четвёртая.

Не одновременно.

Постепенно.

Словно люди передавали друг другу слово.

Ондрей поднял голову.

Такого ржания он ещё не слышал.

Оно не было испуганным.

Не было резким.

Скорее тихим и протяжным.

Так лошадь зовёт другую лошадь где-то вдали.

Ондрей встал.

Открыл дверь.

Туман подступал к самому порогу.

Фонарь у стены светил слабо.

Большой двор был пуст.

«Ну что вам?»

Никакого ответа.

Только новое ржание.

На этот раз почти одновременно заржали две лошади.

Ондрей взял фонарь.

Вышел наружу.

Подошёл к первой конюшне.

Лошади не были беспокойны.

Наоборот.

Все они смотрели в одну сторону.

Во двор.

Головы подняты высоко.

Уши направлены вперёд.

Ондрей открыл дверь.

«Что вы там видите?»

Он снова вышел во двор.

Туман двигался.

Не быстро.

Медленно стелился над землёй.

Фонарь в его руке отбрасывал на стены длинные тени.

Ондрей сделал несколько шагов.

Тогда он заметил у противоположной стороны двора что-то светлое.

Остановился.

Сначала подумал, что это кусок полотна.

Потом оно пошевелилось.

Ондрей прищурился.

В тумане стояла лошадь.

Белая.

Или серая.

Трудно было сказать.

Она находилась далеко, и в тумане её тело почти сливалось с окружающим пространством.

Видны были только голова, шея и передняя часть тела.

Ондрей остался стоять.

«Кто там?»

Лошадь не двигалась.

«Чья это лошадь?»

Никто не ответил.

Ондрей шагнул вперёд.

В этот момент из всех конюшен раздалось ржание.

На этот раз одновременно.

Большой двор наполнился звуком.

Ондрей вздрогнул.

Когда снова посмотрел перед собой, белая лошадь всё ещё стояла там.

По крайней мере, ему так казалось.

Он сделал ещё один шаг.

Лошадь повернулась.

И медленно пошла через двор.

Ондрей последовал за ней.

Стука копыт не было слышно.

Это он заметил лишь позже.

В тот момент он об этом не думал.

Была видна лишь светлая фигура, двигавшаяся перед ним.

Она прошла вдоль стены.

Потом завернула за угол одной из конюшен.

Ондрей ускорил шаг.

«Стой!»

За углом ничего не было.

Только туман.

Ондрей поднял фонарь выше.

«Эй!»

Тишина.

Он прошёл дальше.

Нигде ни одной лошади.

Ни одной открытой двери.

Ни одних повреждённых ворот.

Ондрей остался стоять.

Сердце билось быстрее, чем он готов был признать.

«Я устал», — сказал он самому себе.

Это было объяснение.

Должно было быть.

Он вернулся во двор.

Лошади всё ещё смотрели наружу.

Некоторые тихо фыркали.

«Хватит».

Он закрыл конюшню.

Обошёл вторую.

Все лошади были на месте.

И серые.

И белые.

И гнедые.

Ни одной не пропало.

Ондрей пересчитал их дважды.

Потом в третий раз.

Всё сходилось.

«Так что же я видел?»

Один старый жеребец повёл ухом.

Ондрей нахмурился.

«Не тебя спрашиваю».

Он вернулся в комнату.

Сел.

На этот раз не заснул.

Смотрел на дверь.

Ржание стихло.

Прошёл, может быть, час.

Потом два.

Туман сгустился.

Ондрей уже начал думать, что действительно видел лишь
тень.

Может быть, полотно.

Может быть, свет фонаря, отражавшийся в тумане.

Может быть, одну из лошадей через открытую дверь ко-
нюшни.

Ночью человек видит вещи иначе.

Особенно когда устал.

Незадолго до рассвета он снова вышел.

Туман всё ещё держался низко над землёй.
Он прошёл туда, где раньше видел лошадь.
Ничего.

Потом заметил что-то у стены.

Белый кусок ткани.

Зацепившийся за деревянный колышек.

Ондрей рассмеялся.

«Так вот ты какой, мой конь».

Он поднял ткань.

Это была старая попона, которую, вероятно, ветер сорвал
с повозки или с места, где её сушили.

В тумане она вполне могла выглядеть как тело животного.

Ондрей облегчённо вздохнул.

«Вот и конец сказке».

Он перекинул ткань через руку.

И тут увидел следы.

Они шли вдоль стены.

Лошадиные.

Свежие.

Один за другим.

Точно там, где ночью он видел светлую лошадь.

Ондрей положил попону на землю.

Опустился на колено.

Коснулся одного следа.

Края были чёткими.

Не старые.

Не со вчерашнего дня.

Снег и мягкая земля хорошо их сохранили.

Ондрей пошёл по следам.

Они вели за угол конюшни.

Там продолжались ещё несколько шагов.

Потом исчезали.

Не у ворот.

Не у двери.

Посреди более твёрдой земли.

Ондрей выпрямился.

«Хорошо».

Посмотрел в туман.

«Тогда объясни мне это».

Никто ему, конечно, не ответил.

Утром пришли остальные.

Ондрей сначала ничего им не сказал.

Помогал при кормлении.

Проверял лошадей.

Лишь когда пришёл старый конюх Павол Гронец, он отвёл его в сторону.

«Посмотри».

Он показал ему следы.

Павол осмотрел их.

«Лошадь».

«Это я знаю».

«Так в чём дело?»

«Все были в конюшнях».

Павол выпрямился.

«Может быть, не все».

«Я их пересчитал».

«Может, ошибся».

«Три раза?»

Павол пожал плечами.

«Ночью человеку легче ошибиться».

Ондрей рассказал ему, что видел.

О светлом коне.

О тумане.

О ржании.

О том, как фигура прошла через двор и исчезла за углом.

Павол слушал без улыбки.

Когда Ондрей закончил, он поднял с земли белую попону.

«Вот тебе твой белый конь».

«Я тоже так подумал».

«Так чего тебе ещё надо?»

Ондрей указал на следы.

Павол некоторое время молчал.

Потом сказал:

«Может быть, ночью какая-то лошадь выбралась наружу,

а потом кто-то вернул её обратно».

«Кто?»

«Не знаю».

«Ворота были закрыты».

«Тогда через конюшню».

«Все двери были закрыты».

Павол нахмурился.

«Ты хочешь, чтобы я сказал, что по двору у тебя ходил призрак лошади?»

Ондрей рассмеялся.

«Нет».

«Хорошо».

Павол бросил попону на землю.

«Значит, это была лошадь».

«Чья?»

«Этого я уже не знаю».

На этом разговор закончился.

Но не история.

Через несколько дней возле конного завода остановился пожилой мужчина из окрестностей Прешова.

Он пришёл по другому делу.

Но когда услышал, как конюхи говорят о ночном ржании, спросил:

«Где вы его видели?»

Ондрей посмотрел на него.

«Кого?»

«Того белого».

В комнате стало тихо.

«Откуда вы знаете, что он был белым?»

Мужчина немного замялся.

«Так когда-то говорили».

«О чём?»

Старик сел.

«Ещё мой отец рассказывал, что, когда здесь стояли солдаты, среди лошадей был один серый жеребец. Говорили, его знали все, потому что, когда лошади ночью начинали ржать, он первым проходил через двор, а потом все замолкали».

Ондрей нахмурился.

«Когда это было?»

«Давно».

«А что с ним случилось?»

Мужчина пожал плечами.

«Кто знает».

Один из молодых конюхов рассмеялся.

«Значит, теперь у нас тут разгуливает старый военный конь?»

Мужчина улыбнулся.

«Я ничего такого не говорил».

«Но вы так думаете».

«Нет».

Он встал.

«Я лишь говорю то, что слышал ещё мальчишкой».

Потом ушёл.

Ондрей долго смотрел ему вслед.

Историю о старом сером коне он так никогда и не смог проверить.

Возможно, мужчина её выдумал.

Возможно, что-то неправильно запомнил.

Возможно, подобных историй о лошадях всегда рассказывали достаточно.

А возможно, всё было гораздо проще.

Белая попона двигалась в тумане.

Фонарь отбрасывал тени.

Одна из лошадей могла на какое-то время выбраться наружу.

Следы могли остаться в другое время, а не тогда, когда думал Ондрей.

А ржание?

Лошади слышали других лошадей.

Или человека.

Или просто одно ржание вызвало другое.

Всё можно было объяснить.

Почти всё.

В памяти Ондрея осталась лишь одна вещь.

Когда светлый конь проходил через двор, все лошади ржали.

Когда он исчез за углом, ржание прекратилось.

Не постепенно.

Сразу.

Словно кто-то закрыл дверь.

Спустя годы Ондрей рассказывал об этом лишь изредка.

И всегда добавлял:

«Может быть, я был спросонья».

Потом задумывался.

«Но лошади спросонья не были».

И потому на Большом дворе ещё долго говорили, что некоторые зимние ночи нужно принимать такими, какие они есть.

Когда по земле стелется туман, фонарь освещает лишь несколько шагов впереди и человеку кажется, что через двор прошёл белый конь, не обязательно сразу верить, что он увидел нечто из иного мира.

Возможно, он действительно видел лишь туман.

Может быть, попону.

Может быть, лошадь, которая у кого-то вырвалась.

Но если в тот же самый момент из всех конюшен раздаётся ржание, а потом все лошади одновременно замолкают, лучше оставить в голове хотя бы немного места и для другой возможности.

Не потому, что каждая старая легенда обязательно должна быть правдой.

А потому, что ночь на Большом дворе иногда умела сложить из обычных вещей картину, которая напоминала сказку сильнее, чем разумный человек позволил бы себе признать днём.

О мальчике, который носил воду лошадям

В Прешове всегда было достаточно детей, которые учились работать раньше, чем их руки становились достаточно большими для настоящей работы.

В этом не было ничего необычного.

Один ребёнок помогал отцу в мастерской, другой носил товар на рынок, третий пас гусей за городом, а ещё кто-нибудь целый день бегал между домом, двором и хозяйством,

словно даже не знал, что такое свободная минута.

Таким был и Янко Малик.

Ему было одиннадцать лет, и он жил с матерью и младшей сестрой в маленьком доме неподалёку от дороги, которая вела из города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.